

Культура. — 1994. —

17 дек. — С. 4

МОЙ ДРУГ

Эна- бена-рес

— Вы слышали, у Людочки юбилей!

— У женщин вообще не бывает юбилеев!

— А она не боится возраста. У таких, как Людмила Голуб, вообще нет возраста. У талантов свое летосчисление. Эна-бена-рес.

Эти таинственные слова из старой считалочки вернули меня в далекие шестидесятые, когда однажды раздался звонок и передо мной предстала невысокая молодая женщина с короткой стрижкой и удивительными глазами — в них светилось вдохновение.

Она поразила меня своей активной боевой надеждой и застенчивостью, и я не сразу заметил мужчину, стоявшего за ее спиной, как верный телохранитель. Перехватив мой взгляд, гостья сказала:

— Извините, я с мужем.

Мы поздоровались.

— Заходите, очень рад...

Так началась моя встреча с актрисой-чтицей Людмилой Голуб, которая в последствии вылилась в большую творческую дружбу. Она несла людям мои рассказы — «Игра в красавицу», «Реликвия», «Скрипка», «Сыновья Пешеходова», «Пять километров жизни».

Людмила Голуб высвечивала мое творчество особым, своим светом, открывала в них то, чего порой не заметил сам автор.

Эстрада дала Л. Голуб какую-то особую независимость. Она выступала в больших залах и в школах, в далеких уголках страны и за рубежом. Была непрременной участницей моих творческих вечеров. Когда она читала произведения других авторов — Е. Евтушенко, А. Борщаговского, Л. Каневского, я в тайне ревновал. Белой ревностью. То есть беззлобной.

Наша творческая жизнь была трудной и интересной. Мы были в одной упряжке — бойцами за искусство, за сердца людей, за человеческую правду.

Помню, как на одном престижном конкурсе в Центральном доме работников искусств в последнюю минуту, когда Люда была уже за кулисами, кто-то из «добрых друзей» вычислил, что она старше возрастного предела на пять дней. Я бросился в комнату жюри, горячо объяснял именитым артистам, что это несправедливо, что они сами были молодыми. Они молчали, опустив глаза. Им было стыдно, но они молчали.

Помню, как все откладывали присвоение артистке почетного звания. И я, ее друг и соратник, шел по инстанциям.

Но заслуженная артистка России Людмила Голуб жива и здорова, и ее голос то с материнской нежностью, то с мальчишеской хрипотцой звучит с эстрады. Звучит на земле и на море, в тайге и в пустынях. И как пароль непроходящей юности, как вызов ненастью звучат в конце рассказа о несчастной девочке, играющей в красавицу, «Эна-бена-рес».

Юрий ЯКОВЛЕВ.

писатель.